

Чжоу Ая накрыла бессонница — гостя в его жизни редкая. Спал он всегда из рук вон плохо: ложился поздно, просыпался рано, однако сегодня ночью, вопреки обычной изматывающей усталости, сон к нему так и не пришел.

Напротив, с каждой минутой разум становился лишь яснее.

Стоило прикрыть глаза, как в темноте, точно в старом калейдоскопе, замелькали обрывки воспоминаний.

Дождливые дни в детстве. Они с Чэнь Сюньфэном вечно оставались в детском саду последними. За Сюньфэном просто некому было прийти, а няня Чжоу Ая относилась к работе спустя рукава и вечно опаздывала. Мальчишки делили один зонт на двоих, прячась от ливня у будки охранника. Сюньфэн то и дело заглядывал Чжоу Аю в лицо, пытаясь угадать его настроение, а потом ловко выдергивал шнурок из капюшона своей куртки и крутил из него затейливые фигуры, чтобы хоть как-то развлечь его и заставить улыбнуться.

В первом классе, когда начались настоящие, строгие контрольные, Чжоу Ай сразу же занял первую строчку в общешкольном рейтинге. Чэнь Сюньфэн уже тогда был выше него. Перед тем как Чжоу Аю нужно было выйти на сцену за наградой, Сюньфэн стоял с ним за кулисами. Он осторожно коснулся его волос, взъерошил их и негромко сказал: «Да не бойся ты».

На самом деле Чжоу Ай вовсе не боялся толпы, заполнившей школьный двор. Но стоило ему спуститься со сцены, как он увидел Чэнь Сюньфэна, яростно мутузившего четверых или пятерых старшеклассников. Как выяснилось позже, те, дожидаясь своей очереди на награждение, отпустили в адрес Чжоу Ая пару колких замечаний: дескать, паренек-то миленький, да только жаль, что немой.

Всплыли в памяти и слезы Чэнь Сюньфэна. За все годы их дружбы тот ни разу не заплакал — ни когда разбивал колени в кровь, ни когда его наказывали учителя. Он никогда не вешал нос. Единственный раз, когда Чжоу Ай видел его плачущим, пришелся на день их расставания.

Тогда Сюньфэн рыдал навзрыд: мокрые ресницы слиплись, покрасневшие глаза блестели от слез. Испачканными в пыли ладонями он размазывал грязь по лицу, оставляя на щеках темные разводы, пока Чжоу Ай бережно, лоскутком бумажной салфетки, не вытер его лицо дочиستا.

Воспоминания метались и кружили, пока наконец не замерли на событиях сегодняшнего вечера. Чэнь Сюньфэн вырос. Он заметно раздался в плечах, возмужал, и теперь, чтобы заглянуть ему в глаза, Чжоу Аю приходилось слегка приподнимать голову.

В детстве Чэнь Сюньфэн болтал без умолку. Сам Чжоу Ай говорить не мог, поэтому другу приходилось отдуваться за двоих. Но сегодня, когда Чэнь Сюньфэн что-то увлеченно рассказывал, а потом вдруг смутился и отвел взгляд, Чжоу Ая внезапно накрыло щемящее, до боли знакомое чувство.

Чэнь Сюньфэн говорил о бессилии перед уходящим временем, о собственных сомнениях, признался даже в том, что тайно следил за ним. Он выворачивал душу наизнанку, стремясь высказать все, что не успел днем, пусть даже ради этого пришлось ждать глубокой ночи.

Он твердил, что помнит о разделяющих их шести годах разлуки, о неумолимой жестокости утекающих лет, но сам же, делая шаг навстречу, словно не замечал ни выросшей между ними стены, ни былого отчуждения.

Еще днем их первый после долгой разлуки разговор едва ли можно было назвать дружелюбным, а уже ночью Чэнь Сюньфэн караулил его под окнами, уговаривая спуститься. Похоже, в его понимании время могло изменить декорации вокруг, могло заставить их вырасти, но их самих оно не тронуло. Они по-прежнему оставались теми самыми мальчишками из детского сада.

Чжоу Ай открыл глаза в темноте. Сон ушел окончательно. Он сел на постели, бросив взгляд на экран телефона — три часа ночи. Поднявшись, он подошел к окну, отодвинул створку и опустил на подоконник. В лицо ударил прохладный ночной воздух, ероша волосы и заставляя домашнюю одежду слабо колыхаться.

В голове царила звенящая, утомленная ясность. Он выдвинул ящик стола и нащупал пачку сигарет. Тяги к курению он не испытывал — за все недели, проведенные в больнице под унылый счет трещин на белом потолке, он ни разу не вспомнил о табаке, — но порой, когда он оставался наедине со своими мыслями, ему до боли требовалось хоть что-то, способное заглушить этот гул в голове.

Струйка дыма медленно потянулась вверх, но преградить путь воспоминаниям она не могла. Чжоу Ай вспомнил последний вопрос, который задал Чэнь Сюньфэн перед уходом. Тот упомянул, что шайка, следившая за ним, загремела в полицию за вымогательство.

Странно получалось: одной рукой Чэнь Сюньфэн выстраивал барьеры, рассуждая о годах разлуки, а другой — безжалостно их крушил. Твердил, будто сомневался, помнит ли его вообще, но при этом исправно присылал завтраки каждое утро, устроил показательную трепку Цзян Вэньи прямо во время экзаменов и без лишнего шума разобрался с преследователями.

Чжоу Ай едва заметно нахмурился. Ментоловый дым лишь сильнее разгонял остатки сна. Он затушил недокуренную сигарету, отошел от окна и щелкнул выключателем настольной лампы. Мягкий свет очертил чистый бланк нового тренировочного теста. Чжоу Ай сел за стол и погрузился в работу.

В Старшей школе №6 царила жесткая дисциплина, и все, что касалось учебного процесса, решалось с поразительной скоростью. За выходные преподаватели успели проверить все бланки и составить подробные рейтинги по итогам прошедших экзаменов.

Почти три недели спустя Чжоу Ай вновь переступил порог Класса 1. Все тот же — невозмутимый, окутанный броней ледяного равнодушия. После того памятного дня, когда он

при всех едва не задушил Ху Чэна, любые попытки устроить ему проверку на прочность сошли на нет. Теперь его появление сопровождалось лишь внезапной, удушливой тишиной. Но Чжоу Ая это вполне устраивало — так было куда меньше лишней возни.

Его сосед по парте, Цзян Вэньи, уже избавился от гипса и бинтов. Сейчас он сидел сгорбившись и делал вид, что поглощен чтением. На появление Чжоу Ая он не отреагировал вовсе — сидел, уткнувшись носом в тетрадь, и не поднимал глаз.

Перед началом уроков в класс вошел учитель Цинь. Вид у него был хмурый. Он жестом приказал всем замолчать, вставил флешку в компьютер и вывел на проектор сводную таблицу результатов.

— Все оценки за экзамен выставлены, — недовольно заговорил он, обводя притихший класс тяжелым взглядом. — И у меня к вам один вопрос: чем вы вообще занимались целый месяц? Средний балл по химии и математике скатился на третье и четвертое места в параллели. А по истории мы вообще на позорном седьмом! Преподаватель истории уже мозоль на языке набил, жалуясь мне, что на его уроках вы прячете под партами домашку по алгебре и биологии. И ладно бы толк был! Почему тогда по математике результаты столь плачевны?

Учитель Цинь переключил слайд, открывая индивидуальный рейтинг учеников школы, и покосился на парту Чжоу Ая.

— Первое место в классе и абсолютное первое место во всей параллели — у Чжоу Ая. Вы все прекрасно знаете, что он почти весь месяц отсутствовал по болезни. Так посмотрите на его баллы и спросите себя: как учиться он и как учиться вы, просиживая штаны за партами каждый божий день? Почему человек, пропустивший кучу занятий, все равно затыкает вас за пояс?

Класс дружно втянул головы в плечи. Кое-кто из ребят принялся украдкой коситься на виновника торжества, однако Чжоу Ая даже бровью не повел. Он сидел все с тем же безучастным выражением лица, словно этот разнос его никак не касался.

— Я понимаю, что в конце полугодия вам предстоит разделение по профилям, и большинство из вас уже определились с выбором предметов, — продолжал свирепствовать учитель Цинь. — Но это не значит, что можно забить на историю и географию! Из-за вашего наплевательского отношения мы стали посмешищем для всей школы. Учитель У прямо заявил, что идти к нам на урок у него нет никакого желания! Вы его игнорируете, занимаетесь посторонними вещами. А теперь посмотрите на Чжоу Ая. Почему он успевает везде? Почему у него блестящие баллы по всем девяти дисциплинам? Как у него получилось написать физику на максимум и при этом получить наивысший балл по истории?

В кабинете стояла гробовая тишина. Распалаясь все сильнее, учитель Цинь раздраженно постучал по интерактивной доске:

— Вы тратите кучу времени на любимые предметы, а на выходе что? Сами посмотрите на эти цифры! Ху Чэн, ты у нас спортивный староста, у тебя кроме тренировок в голове вообще что-

нибудь водится? Пятьдесят восемь баллов по физике! Даже порог не перешагнул! Не стыдно, а? Это программа первого года, неужели задания показались тебе неподъемными? Во втором, третьем, даже в четвертом классах полно отличных результатов, а у тебя — пятьдесят восемь! После линейки я с каждым из вас поговорю отдельно. А сейчас — все на стадион, на церемонию поднятия флага.

В лучах утреннего солнца Чжоу Ай вновь поднялся на школьную трибуну. Директор вручил ему похвальную грамоту за первое место в рейтинге. Старшая школа №6 славилась вековыми традициями и жесточайшей конкуренцией — сильных учеников здесь хватало с избытком. И то, что Чжоу Ай два раза подряд с колоссальным отрывом возглавил этот список, заставило обратить на него внимание не только сверстников, но и весь преподавательский состав.

Когда торжественная часть завершилась, Чжоу Ай, по своему обыкновению, незаметно спустился за кулисы и пошел к учебному корпусу. Линейка продолжалась, весь стадион был забит людьми, так что школьный двор встретил его непривычной пустотой. Лишь из динамиков, закрепленных на столбах, доносился далекий, гулкий голос завуча.

У самого входа Чжоу Ай невольно притормозил. Буквально в нескольких шагах от него, перед остекленным стендом почета и порицания, стоял какой-то парень. Высокий, широкоплечий, он замер спиной к Чжоу Аю, лениво рассматривая фотографии под стеклом. Даже стандартную школьную ветровку этот долговязый умудрялся носить с каким-то небрежным, бунтарским шиком.

Вокруг не было ни души — только они двое.

Почувствовав чужое присутствие, парень повернул голову. Солнечный свет заставил его прищуриться, но он мгновенно выхватил взглядом Чжоу Ая. Никакого удивления на его лице не отразилось. Отступив на пару шагов, он освободил место у стенда и негромко произнес:

— Я знал, что ты пойдешь этой дорогой. Ждал тебя.

Чжоу Ай застыл на месте. Выражение его лица оставалось бесстрастным, но он не отвел взгляд, позволяя Чэнь Сюньфэну договорить.

Чэнь Сюньфэн небрежно указал на стекло:

— Списки обновили по результатам этого месяца. Но ты все там же.

Из динамиков все так же доносилась монотонная речь завуча. Чэнь Сюньфэн стоял вполупоборот, терпеливо ожидая, когда Чжоу Ай сделает шаг навстречу.

Легкий утренний ветерок дул Чжоу Аю в спину. Чжоу Ай засунул руки глубоко в карманы брюк, где пальцы коснулись жесткого ребра медицинского корсета. Он продолжал медлить.

Чэнь Сюньфэн не сводил с него глаз.

— Подойдешь? — спросил он. Его голос в утренней тишине прозвучал чисто и звонко.

Под этим пристальным взглядом Чжоу Ай тихо вздохнул. Он упустил момент, когда можно было просто пройти мимо, сделав вид, будто никого не заметил. А раз уж остановился и выслушал — разворачиваться и уходить теперь казалось глупым.

Поколебавшись секунду в тени школьного козырька, Чжоу Ай все же преодолел разделявшее их расстояние. Теперь они стояли плечом к плечу перед ярким стендом, и солнце грело их одинаковые синие ветровки. Чэнь Сюньфэн скользнул взглядом по его лицу, глаза его потемнели, но через секунду он снова уставился на витрину.

Чжоу Ай перевел взгляд левее, на доску порицаний. Ее содержимое тоже обновили, однако верхнюю строчку привычно венчало имя Чэнь Сюньфэна. На фотографии со стандартным синим фоном Сюньфэн казался чуть моложе, но его дерзкий, колющий взгляд даже сквозь толщу стекла смотрел на мир с вызовом.

Рядом висел официальный приказ, скрепленный жирной красной печатью учебной части. Чэнь Сюньфэн умудрился собрать комбо: систематические опоздания, уходы с уроков, прогулы. Формулировка гласила: «За злостное нарушение дисциплины». Неудивительно, что его портрет красовался здесь из недели в неделю.

Ветерок донес до Чжоу Ая тонкий аромат, исходивший от соседа — прохладный, чистый, едва уловимый. Запах был незнакомым. В детстве они носили одинаковую одежду, пользовались одними игрушками, и пахли тоже одинаково — дешевым стиральным порошком, который закупала няня Чжоу Ая.

За последние дни, стоило Чэнь Сюньфэну вновь ворваться в его жизнь, как из самых потаенных уголков памяти лавиной хлынули давно забытые мелочи. Чжоу Ай ловил себя на том, что неосознанно ищет в нынешнем Сюньфэне черты того прежнего мальчишки. Все то, что он считал навсегда утраченным, стертым временем, на поверку оказалось бережно спрятано глубоко в душе.

Резкий звонок возвестил об окончании уроков, но Чжоу Ай даже не пошевелился. Первые десять-пятнадцать минут после финального звонка в школьной столовой творилось настоящее безумие, поэтому он всегда предпочитал переждать суматоху в тишине пустого класса.

Одноклассники гурьбой повалили к выходу, но внезапно вся толпа будто замерла по невидимой команде. Напряжение в воздухе почувствовал даже Чжоу Ай, сидевший на задней парте. Не успел он поднять глаза от учебника, как со стороны задней двери раздался негромкий двойной стук.

Чжоу Ай вскинул голову. Половина класса застыла в дверях в абсолютном молчании. Ребята

испуганно переводили взгляды с Чжоу Ая на фигуру, подпиравшую косяк задней двери Класа 1.

В тишине отчетливо прозвучал ровный, уверенный голос Чэнь Сюньфэна:

— Я к Чжоу Аю.

<http://bllate.org/book/20067/1994904>